

ПОДЛИННАЯ ЗУМАГА, ПОЧЕРКА

ПОСЛѢДНЕЙ ПОЛОВИНЫ

СЕМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

(найдена между дѣлами Аптекарскаго приказа, которыя сохранились въ архивѣ Медицинской Конторы, въ Москвѣ).

(Сообщено В. Н. Каразинымъ).

==

Нынѣшняго 1682 года, по указу Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Федора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, вельно построить двѣ Шпитальни или богадельни: одну въ знаменскомъ монастырѣ, что въ Китаѣ, а другую на Гранатномъ дворѣ, что за Никитцкими воротами; чтобъ впредь по улицамъ бродящихъ и лежащихъ нищихъ (межъ которыми многіе притворные воры, и всемъ здоровы и работать могутъ) небыло. И то дѣло самое доброе и богоугодное; и каковыя похвалы достойно, свидѣтельствуетъ о томъ божественное писаніе обоихъ заветовъ.

А въ Государствахъ и во градѣхъ, гдѣ такіе дома нищимъ построены, великая отъ того польза, какъ ниже сего послѣдуетъ.

А.

Во первыхъ, таковыхъ бѣдныхъ, увѣчныхъ и старыхъ людей, которые никакой работы работать не могутъ, а наипаче же служимаго чина, которые тяжкими ранами на Государевыхъ службахъ изувѣчены, а пріюту себѣ не имѣютъ, должно по смерти ихъ кормить; за такое благое дѣло послѣдуетъ отъ Господа Бога временное и вѣчное благословенство. И ни закоторя дѣла не обѣщанъ вѣчной дати животъ, точію затворящимъ милость къ бѣднымъ; какъ самъ Господь повелѣваетъ милости творити паче, нежели жертвы. И такое Государство бываетъ отъ всякихъ навѣтовъ соблюдаемо, какъ Псаломникъ глаголетъ: блаженъ вразумѣвая на нища и убога: въ день лютей избавитъ его Господь.

В.

А когда такіе увѣчные люди будутъ отъ бродящихъ притворныхъ нищихъ разобраны, и ходить имъ по улицамъ возбранится, тогда тѣ здоровые нищіе, такъ же и дѣти ихъ, (которыхъ множество великое по улицамъ бродятъ, и ничему ихъ не учать, а возрастя кромѣ воровства отъ такихъ бродящихъ людей не возможно быть) принуждены будутъ хлѣбъ свой заживать работою, или какимъ ремесломъ къ общенародной пользѣ. Потому, что всякая праздность не приводитъ человѣка ко иному, точію къ злымъ дѣламъ и воровству.—

Г.

Когда такимъ людямъ по улицамъ возбранено будетъ ходити, и подъ окнами милостыни просити, тогда и воровства такова не будетъ, для того, что такіе воры, по дворахъ ходя, только примѣчаютъ, кто какъ живетъ и какъ его домъ, какъ бы исплоша гдѣ малолѣдство ково днемъ или ночью покрасть. А иные такіе же воры, какъ отомъ повѣствуется, малыхъ робятъ съ улицъ крадутъ, и руки и ноги имъ ломаютъ, и на улицы ихъ кладутъ, чтобъ на нихъ люди смотря умилились, и больше имъ милостыни давали.

Д.

Еще же многіе отъ такихъ нищихъ, которые странными болѣзнями и прилипчивыми одержимы, какъ то франками, ракомъ, волкомъ (*) на лицъ и по рукамъ, — тѣ садятся просить во многонародныхъ мѣстахъ, и такова нищаго, когдабъ жена чревата усмотря испужалась, моглабы такова поврежденнаго младенца родити. И для такой причины во всѣхъ странахъ Европскихъ, такимъ людямъ отнюдъ не позволяютъ по улицамъ ходити, не токмо что во многонародныхъ мѣстахъ сидѣть; а взявъ ихъ лѣчатъ, буде исцѣлены; а буде не исцѣлены и конечно скудны, поятъ и кормятъ по смерти во особыхъ отдаленныхъ мѣстахъ.

Е.

Еще же, которые межъ тѣми нищими будутъ больные и увѣчные, а лѣчить ихъ можно; и у того дѣла молодымъ Докторамъ не малая польза, и въ наукъ своей изощреніе.

(*) Родъ дурной чесотки.

И вскорѣ ученіе и искусство каждаго доктора при лѣчбѣ такихъ людей познается, такъ же и лѣкарей, которые нынѣ Государство жалованье емлютъ же, а нѣкоторымъ дѣлать нечево.

Только къ совершенству того дѣла надобны различныя статьи, которые ниже сего послѣдуютъ, и чтобъ по тѣмъ статьямъ великаго Государя указъ былъ учиненъ.—

Во первыхъ надо всѣмъ къ тому дѣлу приставить добраго дворянина, который бы то дѣло дѣлалъ одной ради любви Божіей съ охотою. А емубъ дать подъячаго добраго, которой бы записывалъ нищихъ въ книгу противъ указовъ, и держалъ бы денежной и хлѣбной и всякимъ запасамъ приходъ и расходъ. И крестьянскія всякія дѣла, которыя къ тому дѣлу будутъ даны, онъ же бы вѣдалъ.

Сверхъ того надобно на дворѣ дворникъ, который бы вѣдалъ кого спускать, если который куды поидеть, и всякое бы дворовое дѣло и починки и прочія дѣла вѣдалъ. Еще же надобенъ ключникъ, который бы всякіе запасы и питія на потребу ихъ выдавалъ и принималъ, также и поваровъ двухъ или трехъ человѣкъ, смотря по числу.—

Еще же надобно, чтобъ тому мѣсту быть (если возможно) при улицахъ большихъ, гдѣ всегда многолюдство бываетъ, чтобъ мимоходящіе люди такую богадельню, и больницу видя, умилились, милостыню подавали. И къ тому зѣло пригоденъ знаменской монастырь, въ которомъ бы кормить старыхъ, увѣчныхъ и безпріютныхъ; а на Гранатномъ дворѣ всякихъ больныхъ лѣчить. А излѣча, буде безпріютенъ и старъ, или съ увечьемъ, и къ работѣ ни

къ какой негодень, и того отсылать въ Знаменской монастырь. Такъ же бы и во церквахъ по всей Москвѣ, буде можно збирать бы на нихъ милостыню, какъ и во иныхъ Государствахъ на нихъ збирается. А одними крестьянскими доходами такое великое число, которыхъ чаять больше пяти сотъ, или тысячи человекъ и больше соберется, не прокормить, потому что хотя на всякаго человека въ годъ положить на пищу, одежду и дрова по десяти рублей и того на всякіе сто человекъ по тысячи рублей, а чаять что того не станеть, а когда денегъ или запасовъ будетъ въ приходъ больше, тогда и нищихъ можно прокормить большее число.

А буде что за приходомъ лишніе нищіе останутся, мнится, что ихъ можно раздать по монастыремъ. И тѣмъ монастыремъ чаять, за кѣмъ сто дворовъ, пять человекъ въ своихъ больницахъ кормить можно, не токмо на Москвѣ, но и повсѣмъ городамъ Московскаго Государства.

Только нищихъ же, которые бывали чьи дворовые люди, или крестьяне, о тѣхъ надобно особой великаго Государя указъ, принимать ли и ихъ на Москвѣ и въ городѣхъ въ больницы монастырскія, или ихъ кормить тѣмъ, чьи они люди и крестьяне? А буде въ тѣ больницы привезутъ чьего человека или крестьянина, и ево лѣчить, поить и кормить безденежно, или за лѣчбу и за прокормъ съ него имать на сутки, и почему имать; о томъ чтобъ великаго Государя указъ былъ учиненъ.

А для лечбы ихъ по всякой нуждѣ, надобно, чтобъ у нихъ былъ приставленъ Докторъ, Аптекарь, да лѣкарей человекъ три или четыре съ учениками. И аптека не

большая; для того, что со всякимъ рецептомъ ходить въ городъ не удобно. А лѣкарства можно про нихъ держать не дорогія, однакожь пользу будутъ чинити.

Еще же, которые нищіе будутъ безъ руки или безъ ноги, или съ инымъ какимъ увѣчьемъ, о кромѣ того будетъ всемъ здоровъ, и въ такихъ лѣтахъ, что работать можетъ; и тѣхъ принимать ли? и въ которые больницы? или ихъ отсылать къ какимъ работамъ? а въ иныхъ Государствахъ, такихъ, буде они не на Государскихъ службахъ изувечены, заставляють работать смотря по дѣлу, кому какую работу удобнѣе работать.

И такимъ поведеніемъ учинится, что не токмо на Москвѣ, но и въ городѣхъ всего Московскаго Государства никакова нищаго по улицамъ бродящаго не будетъ. Только надобно приказывать по карауламъ, и по всѣмъ воротамъ, чтобъ стрѣльцы такихъ нищихъ во Аптекарской приказъ приводили, и тамъ, смотря ихъ буде совершенные нищіе, что работать не можетъ, или увѣченъ, отсылать ихъ въ Шпитальню; а буде какова, притворнаго, здороваго нищаго поймають и о тѣхъ также указъ надобно учинить, куды ихъ отсылать, и какое имъ наказаніе чинить.

О нищенскихъ дѣтяхъ, робятъ и дѣвокъ, которые также по улицамъ бродятъ милостыни просить, надобно великаго же Государя указъ учинить. А въ иныхъ Государствахъ, такимъ построены дворы, въ которыхъ перво изуча ихъ грамотъ научають ремеслу какому кто похочеть, или отдають мастерамъ ихъ учить по домамъ; а дѣвокъ отдають по монастыремъ для ученіяжъ, изуча, и въ лѣта совершенныя пришедъ, какъ можетъ хлѣбъ свой зажить,

и себя съ женою прокормить, отпускають на волю. Или купя дворы тѣмъ, поженять, и отъ такихъ людей и впредъ ужъ во градѣхъ прибытокъ, и воровства отъ такихъ опасаться нечево, потому, что ему уже способъ, чѣмъ сыту быть, данъ.

И такимъ бы способомъ многія науки и ремесла, которыхъ нынѣ изъ иныхъ чужихъ Государствъ всегда здѣсь требуютъ, и дорогою цѣною покупать, или такихъ людей на тяжкихъ и великихъ кормѣхъ призываютъ, на Москвѣ завелись.

А въ такихъ дворѣхъ, мнится, не трудно учить наукамъ, которыя во всякихъ случаяхъ нужны и потребны, какъ послѣдуетъ:

Во первыхъ наука цыфирная, которая всякаго чина людямъ годна, а наипаче же купеческимъ; безъ которой многіе купеческіе люди, щоту и выкладки не разумѣя, пропадаютъ и обнищаютъ.—

Фортификація, или ниженерская наука, безъ которыхъ обоихъ наукъ Генералу или Полковнику, и никакому начальнику челоуѣку чинъ свой подолжности никакими мѣрами исполнить не возможно и для того нынѣ у многихъ великихъ Государей повелось: которой Полковникъ тѣмъ наукамъ не ученъ, и его развѣ съ великою трудностію въ службу принимаютъ для того, что наступленія на непріятеля, ни обороны творити по воинскому праву не можетъ.—

Архитектура, которая учить всякія зданія изрядно и правильно строить.—

Знаменить или живописная наука, которая тѣмъ всѣмъ наукамъ есть повожденіемъ; къ той же принадлежитъ и перспектива.—

Геометрія, которая учить земли размѣривать, и разстояніе мѣста отъ мѣста, и высоту и глубину точію цыфрами и инструментомъ смѣчать и сказать, и къ строенію крѣпостей городовыхъ зело нужна. И фортификація или инженерское дѣло безъ сей не состоится.—

Артилерія, которая учить по размѣру прямому какъ пушки лить, и въ какую мѣру стрѣлять, порохъ дѣлать и всякія огнестрѣльные статьи, какъ гранаты и прочія къ тому принадлежащія статьи; и въ какой размѣръ ихъ мѣтать, чтобъ на намѣренныя мѣста падали.—

И тѣ науки всѣ можно въ школахъ къ тому устроенныхъ изучити и отъ такихъ бы гуляковъ, которые нынѣ туне хлѣбъ ѣдятъ, изучась, великому Государю великая прибыль была. И вмѣсто иноземцовъ, которыхъ съ великою трудностію достаютъ, и на малое время выѣзжаютъ, да и тѣ многіе въ тѣхъ наукахъ не совершенны, можно и своихъ завѣсть; какъ нынѣ сказываютъ, у турокъ, у которыхъ тѣ науки прежде сего небыли, нынѣ же всѣ учатся, наипаче же тѣмъ, которые къ воинскому дѣлу принадлежать.

А безъ тѣхъ вышеписанныхъ наукъ, наипаче же цыфры, фортификаціи, Геометріи и Артилеріи, не возможно никакими мѣрами добрую, благополучную и прибыточную войну, хотя и великимъ многолудствомъ водить. И тѣми науками, самые крѣпкіе и не удобьемлевые города емлютъ; такъ же и многіе города сею наукою устроенные, вели-

кимъ войскомъ могутъ отпоръ дати, и не токмо себя, но и все свое Государство соблюсти.

А что ремесла всякія, и тѣ потомужъ можно было распространить въ такихъ же дворѣхъ изуча ихъ. А наука (добрымъ мастерамъ) давъ имъ прибыточные привилія, отъ чего бѣ имъ можно корысти быть, вскорѣ начнутъ распространяться. А по великой нуждѣ надобны бѣ были ремесла сіи послѣдующія:

Шолковыхъ Локотныхъ товаровъ дѣло, которое уже за милостию Божію и великаго Государя тщаніемъ чають въ доброе произведется поведеніе, если помочь заводчику того дѣла будетъ.

Суконное дѣло, къ которому случаи самые добрыя въ Московскомъ Государствѣ есть; и можно сукна нарочитыя здѣсь дѣлать.

Золотое и серебряное дѣло совершенно умѣютъ иноземцы; а рускіе люди для того, что не учатся знаменити, того дѣла не умѣютъ въ совершенство изучиться.

Часовое дѣло, токарное, костяное, кузнечное всякихъ суетельныхъ орудій и инструментовъ, которые нынѣ всѣ изъ за моря привозять.

Оружейное дѣло всякіе образцы, такъ же печатать мѣдными досками, и иные многія рукодѣлія, которыя въ государствахъ Европскихъ, во многихъ нарочитыхъ городѣхъ на особливыхъ дворѣхъ дѣлають, и такихъ гулящихъ людей учать, и ихъ же дѣлами кормятъ съ не большею придачею постороннею.—

А къ наукамъ и ко всякимъ ремесламъ былибъ чають многіе охотники, для того, что отъ народа Россійскаго

многіе зѣло понятны, какъ о томъ о нѣкоторыхъ образцы есть.

И такимъ бы способомъ многая великаго Государя казна, которая такимъ людямъ дается, сохранена былабъ, и многіе тысячи людей могли бы хлѣбъ свой тѣмъ заживать, которые нынѣ привозятъ изъ иныхъ Государствъ, училибъ дѣлать въ Московскомъ Государствѣ. И отъ того бы родилось, что за Московскіе товары, училибъ платить вмѣсто товаровъ, золотомъ и серебромъ. И такъ бы богатство множилось.

А для унятія бродящихъ всякихъ воровъ, (которые лѣнятся работать, и смотреть, гдѣ бы кого покрасть, или мощну подрѣзать и шапку схватить, или иное какое зло учинить), здѣланы за моремъ во многихъ городѣхъ дворы, гдѣ такихъ людей по особымъ чуланцамъ сковавъ сажаютъ на нѣсколько недѣль, или по винѣ смотря; и заставляютъ пилами терть сандалъ, или иную какую тяжелую работу дѣлать; и по работѣ смотря въ размѣръ даютъ имъ и хлѣба въ вѣсъ, и воды или кваса, въ тѣхъ дворѣхъ смиряютъ не послушливыхъ сыновъ, которые досаждаютъ отцамъ или матерямъ или родителямъ своимъ; и тѣмъ многое воровство удерживается, для того, что того двора зѣло тѣ люди опасны, вѣдая тяжкую работу и скудость пищи.

И для того во всѣхъ Государствахъ Европскихъ, не токмо въ великихъ, но и въ малыхъ городѣхъ, построены при церквахъ ихъ больницы и школы. Въ больницахъ кормятъ и одѣваютъ больныхъ и престарѣлыхъ людей, за которыхъ жители мнятъ граду своему воздаііе отъ Господа Бога получить.

Такъ же Начальство каждаго града ни о чемъ не имутъ такое попеченіе, точно какъ бы возрастушіе ихъ граждане во благихъ нравѣхъ и наукахъ и ремеслахъ достигали, и каждый по своему званію могъ бы безъ обиды ближняго своего праведнѣ хлѣбъ свой зажити, въ которомъ (*) самая тишина, миръ и благовенство каждаго града состоится; разсуждая, какъ лѣсныя деревья не могутъ благихъ плодовъ принести, если не отрѣжутся вѣтви ихъ грубыя, и не прилѣпится къ нимъ благаго дерева вѣтвица, чрезъ которую новыя вѣтви изростя, уже плодъ добрый господину своему приносить, и не туне землю занимаютъ, тако и человѣкъ, иже отъ естества выну ко злу, паче неже къ добру склоненъ есть, отъ лѣтъ молодыхъ прирожденную грубость благими науками и ученіемъ не искоренить, то отъ естества самаго зѣло трудно ко благонавію прелѣпиться. И человѣкъ кромѣ ученія человѣкомъ именоватися не можетъ, для того, что не вѣсть какъ онъ человѣкъ. И во вся дни живота своего (аще и зѣло почтенъ, еже образъ Бога невидимаго носити ему) пребываетъ аще и живъ, но мертвъ, и видя, но слѣпъ.

(*) Въмѣсто *отъ земли*.

БИБЛІОТЕКА
ГОСУДАРЕЙ ВЪ XVII СТОЛѢТІИ.

=

6204
1696 Іюл. 23.

Прежде означеннаго году и числа сдѣланъ былъ государямъ Іоанну и Петру докладъ изъ посольскаго приказу, что съ давняго времени хранятся въ ономъ разныя мощи и книги, до которыхъ никакого дѣла нѣтъ, и слѣдовательно неблаговолено ли будетъ мощи отдать въ церкви а книги «въ царскую книгохранительную палату.»

Послѣ описанія мощей слѣдуетъ:

«А книгъ въ посольскомъ приказѣ нынѣ разныхъ языковъ на лицо *старыхъ, которыя въ переписной книгѣ написаны:*

Атлясь въ Д ⁽⁴⁾ книгахъ съ описаніемъ земель и Государствъ въ лицахъ на Нѣмецкомъ языкѣ.

Козмографія Аврама Артемія, описаніе всей вселенной перечнемъ въ лицахъ на Латинскомъ языкѣ.

Атлясь Херарда Меркатура всей вселенной описаніе въ лицахъ перечнемъ на Латинскомъ языкѣ.

Библія на Нѣмецкомъ языкѣ; Библияжъ на Латинскомъ языкѣ.

Бесѣды Рудолфа Гвалтера, толкованіе на Вѣ Пророковъ;
Калвинская.

Лексиконъ нареченія Богословія на Латинскомъ языкѣ.

Лѣтописецъ перечневой изъ козмографіи Яна Ботера.

Статутъ Короны Польской на Латинскомъ языкѣ.

Уложеніе Вѣликаго Княжства Литовскаго.

Прѣніе Аристотелевыхъ естественныхъ наукъ на Латинскомъ языкѣ.

Похвала Польскому Владиславу Королю на виршѣ.

Книга Іакова Порта Калвинская на Латинскомъ языкѣ.

Уложеніе Цесарское; тутъ же Логика Филипа Меллактона о правореченіи на Латинскомъ языкѣ.

Толкованіе на посланіе Святаго Апостола Іакова, Католическое на Латинскомъ языкѣ.

Посланія Апостольскія, въ которыхъ постановленіе и утвержденіе всякой письменной вольности Езуитской; Католическая, на Латинскомъ языкѣ.

Орацы Риторскіе на Латинскомъ языкѣ.

Алваръ учительной Латинского и Нѣмецкаго языка.

Кроника на Латинскомъ языкѣ Польскихъ Королей.

Кроника Пясецкаго на Латинскомъ языкѣ.

Книга градская Витепская на Польскомъ языкѣ.

Казанія на розные праздники на Польскомъ языкѣ, начала нѣтъ, Езуитская.

Казанія на розные жъ праздники на Италіанскомъ языкѣ.

Кроника на Латинскомъ языкѣ о рожденіи и житіи Владислава Короля Польскаго.

Книга судебная на Латинскомъ языкѣ.

Книги Омана Богослова Калвинскаго по Калвинскому вѣзнію на Латинскомъ языкѣ.

Казанія на праздники, на Польскомъ языкѣ, Григорья Жерновца имянуемая.

Книга ночные труды Иларіона Бискупа Пиктавейскаго на Латинскомъ языкѣ, Калвинская.

Казанія свадебныя Люторского Закона на Латинскомъ языкѣ.

Книга Философа Луція Сенеки о всякихъ дѣлахъ на Латинскомъ языкѣ.

Казанія розныя надгробныя на Латинскомъ языкѣ; начала и конца и обертки нѣтъ.

Книга Яна Меэrsa на Латинскомъ языкѣ; обертки на ней нѣтъ.

Книга о почитаніи вѣры Люторской на Свѣйскомъ языкѣ.

Книжка Реторика на Латинскомъ языкѣ.

Книжка на Нѣмецкомъ языкѣ о грубіянскомъ мужицкомъ невѣжествѣ.

Кроника Дѣйствъ во Европѣ знатныхъ, Пясецкого, Латинскимъ языкомъ.

Книга произвожденіе или Родословіе Королей Польскихъ, Латинская.

Книга Яна Грутера.

Книга литія посланей изрядныхъ.

Книга Боерія приговоровъ златыхъ.

Книга Матѳея Дрессера о витійствѣ риторическомъ.

Книга Дикціонарь Петра Берхора.

Книга Метопика Климента Тимплера.

Книга о небеси и о стихіяхъ.

Книга Аристотелева Физика.

Книга описаніе Философскихъ вещей.

Книга Рудолфа Гвалтера, толкованіе на Евангеліе, Калвинская.

Книга Дидака Декаледа, толкованіе на Есвирь.

Книга Іосифа Сперанза.

Книга Рудолфа Гватера, толкованіе на соборное посланіе, Калвинская.

Книга Новой Завьтъ Греколатинскій втолку Калвинская.

Книга Якуба Ялфереза о искорененіи зла.

Книга Антонія Пессевина о вѣрь Римской и о исправленіи Календаря новаго.

Книга Козмы Магаліана на Моисѣевы пѣсни толкованіе.

Книга Алфонса Салмерона, толкованіе на Евангельскую повѣсть.

Книга Христофора о познаніи самого себѣ.

Книга Калепинъ на Аі ⁽¹¹⁾ языковъ.

Книга Полеантеа.

Книга Златыя Правды на весь ветхій завѣтъ.

Книга Горологіумъ.

Книга Никифора Каллиста, лѣтописецъ.

Книга Гисторія Естества Іоанна Евсевія Езуита.

Книга толкованіе на Ві ⁽¹²⁾ Пророки Корнилія Алякиде Езуита.

Книга толкованіе на Дѣянїе и на посланіе и на апокалипсисъ, его же Корнилія.

Книга толкованія на притчи Соломоновы его же Корнилія.

Книга Сокровище Цѣцерово.

Книга Амбросія Медіоламского.

Книга Іоанна Дунскаота сентенцѣи.

Книга Григорія Богослова томъ «В», Греколатинская.

Книга Собраніе всѣхъ Соборовъ.

Книга Гисторія Церковная Анастасія Библіотека.

Книга Іоанна Дамаскина дѣла.

Книга Трапеза пищѣ духовныхъ.

Книга толкованія на Іезекіиля Пророка Корнилія Аляпиде.

Въ полдестъ.

Книга Политика.

Книга дѣло лѣкарственное, или начало Физики.

Книга Арефметика и Гіометрія.

Книга Свѣтлость Евангельская.

Книга цвѣты прикладовъ Церковныхъ.

Книга Гисторія Церковная Іоанна Горацыя.

Книга Оглашенія о исповѣданіи вѣры.

Книга Кивоть лекарственный Скорбей Душевныхъ.

Книга Новый Завѣтъ Сирскій съ Латинскимъ языкомъ.

Книга толкованія нѣкоихъ мѣстъ изъ Библии.

Книга Земли описаніе.

Книга Символя Героичная.

Книга Собраніе Святыхъ временъ.

Книга Богословія Лютерская.

Въ четверть.

Книга Лексиконъ собственныхъ именъ всякихъ, книга сладость.

Въ осьмушку.

Книга Полидора Виргилія о обрѣтателяхъ вещей и о чудесѣхъ.

- Книга Утѣшеніе о любви Божіи.
Книга Политика Григорія Схонборіера.
Книга Реченій Философскихъ.
Книга Плиппевы посланія.
Книга Снопъ поученій духовныхъ.
Книга Виршетворство Буханини.
Книга Курцыи Квинціи о Александрѣ Македонскомъ.
Книга Виценція Гвинія.
Книга Демокретусъ смѣющійся.

ГРЕКОЛАТИНСКІЯ ВЪ ДЕСТЬ.

Двѣ книги Діонисія Ареопагита, въ двухъ переплетахъ,
первой раздѣлъ и второй.

Книга Исидора Пилусіота.

Книга Іустина Философа.

Книга Кирилла Іерусалимскаго.

Книга Кирилла жъ Александрійскаго, томъ второй.

Двѣ книги Григорія Богослова, единого изданія.

Книга Гисторія Іоанна Кантакузена.

Книга Іоанна Златоуста, томъ первой.

Книга Гисторія Іоанна Зонары.

Книга Евхологіонъ.

Книга Климента Александрійскаго.

Книга Гисторія Никифора Ксафопула.

Книга Деревяныхъ резей въ полатахъ, въ лицахъ, въ
бумажныхъ доскахъ.

Книга Деревяныхъ же резей въ лицахъ, на Нѣмецкомъ
языкѣ, въ бумажныхъ доскахъ, въ бѣлой кожѣ.

Книга чертежей полатныхъ, въ лицахъ.

Книга чертежи полотнысѣжъ, въ лицахъ, на Нѣмецкомъ языкѣ.

Книга городовому строенію, въ лицахъ, на Французскомъ языкѣ.

Книга Мученикословія Римскаго на Латинскомъ языкѣ.

Книга о резныхъ дѣлахъ въ лицахъ, въ бумажныхъ доскахъ, въ мраморной кожѣ, завязки тафтяныя, нагой цвѣтъ.

Книга, а вней написаны лица розныя, въ переплетѣ, покрыта жолтымъ сафьяномъ.

Книга полотному строенію на Нѣмецкомъ языкѣ, въ бумажныхъ доскахъ.

Книга Цецеронова на Латинскомъ языкѣ.

Книга Устиніани на Латинскомъ языкѣ.

Книга Афонасія великаго на Латинскомъ языкѣ.

Книга Лѣтописецъ Гилбирта Генабрарда на Латинскомъ языкѣ.

Книга Антонія Пассевіона на Латинскомъ языкѣ.

Книга разныхъ городовъ лица, подпись Французская.

Книга полотного строенія въ лицахъ, подписана Итальянскимъ языкомъ.

Книга пѣсней пѣвчая на Нѣмецкомъ языкѣ.

Книга Указъ заповѣдныхъ книгъ, въ бумажныхъ доскахъ.

Книга Уложеніе Польское, на Латинскомъ языкѣ.

Книга чертежная полатамъ и источникамъ каменнымъ на Французскомъ языкѣ.

ДА ВЪ ПОЛДЕСТЬ КНИГИ.

«В» ² книги житія, или лютня на польскомъ языкѣ.

Книга Мессія въ переплетѣ, на польскомъ языкѣ.

Книга огороднаго строенія въ лицахъ на нѣмецкомъ языкѣ, въ переплетъ, въ бумажныхъ доскахъ, поволочена бѣлою кожею, безъ застежекъ.

Книга случай, а въ ней, лица на Латинскомъ языкѣ.

Книга о верѣ Латинскимъ языкомъ.

Книга Лекарскаго начало ученія, на Латинскомъ языкѣ.

Книга Краткое Богословіе на Латинскомъ языкѣ.

Книга Оружейнаго строенія въ лицахъ, на Нѣмецкомъ языкѣ.

КНИГИЖЪ ВЪ МАЛУЮ ПОЛДЕСТЬ.

Книга описаніе Казацкой и Татарской войны, на Латинскомъ языкѣ.

Житіе Святаго Григорія Богослова.

Бесѣды Григорія Селунскаго.

Аристотелева о небеси.

Алексѣева казанія.

Омирова творца о Троаде.

Лукьяново двоесловіе.

Святаго Григорія правоучительныя бесѣды.

Порфиріева входъ въ логику.

Три Феодоръ о взятіи Троаде.

Матвѣево сложеніе.

Микифоровы Бесѣды празничныя.

Грамматика рукописанная.

Книга Арихметика.

Планудія синдаксисъ.

Грамматика Ласкарева.

Книга Синотисъ.

Клеомидово круглое зрѣніе.

Литургія.

- Грисанфа Пелопонисіа.
Герасима Армони Аристиди.
Предисловіе къ философіи.
Димостенова Греческая и Латинская.
8 книгъ пѣвчихъ.
Книга Рукописанная Казаніи.
Василья Великаго Посническія бесѣды.
Книги Практики Метопрастовы о садахъ.
Прокловы Бесѣды.
Феофилова на Матвѣево Евангеліе.
Грамматика.
Григоріевы Праздничныя Бесѣды.
Этимологикъ.
Иродотова Исторія.
Порфиріевъ входъ.
Грамматика Петрова.
Платовъ житіе.
Влахово сокровище.
Деогіеново житіе.
Книга въ большую дестъ, въ лицахъ, глаголемая кругъ
всѣа земли древняго описанія.
Книга Гранографъ въ лицахъ, на Латинскомъ языкѣ.
Книга печатная на Латинскомъ языкѣ отъ видѣнія по-
слѣдняго Езекиіи Пророка о созданіи Храма Іерусалим-
скаго.
Книга на Нѣмецкомъ языкѣ писменная въ лицахъ о гра-
натиномъ дѣлѣ.
Книга на Латинскомъ языкѣ, описаніе, всего Амстрада
съ лица.
Книга на Италіанскомъ языкѣ, Перспектива.

Книга печатная на Нѣмецкомъ языкѣ въ лицахъ о поматномъ строеніи.

Книга печатная на Нѣмецкомъ языкѣ о поматномъ и городномъ и источниковъ строеніи.

Книга Лѣтописецъ на чешскомъ языкѣ, Польской.

Книга печатная на Латинскомъ языкѣ въ лицахъ, глаголемая Символь.

Книга печатная Латинская въ лицахъ, глаголемая Анатомія.

Книга печатная Нѣмецкая въ лицахъ резного дѣла.

Книга печатная въ лицахъ на галанскомъ языкѣ о городовомъ строеніи.

Книга землеописательная въ лицахъ на Латинскомъ языкѣ.

Да во 192 году прислано изъ Верхня Типографіи резныхъ языковъ печатныхъ книгъ:

Книжка Хризостома Явелля вопросы на три книги Аристотелевы.

Книга Собраніе Поучителемъ.

Книжка Діалектика Іоанна Цезарія.

Книга Иларіона о Святой Троицѣ.

Книга Францышка Лихета на толкованіе Іоанна Скута.

Книга Толкованія на Евангеліе Матвѣево Калвинская.

Книга Учительная исповѣдникомъ во употребленіи чина своего.

Книга Іоанна Калвина.

Книга Францышка Селиверста, Вопросы Сынческіе.

Книжка поученія погребальныя.

Книга првнія Теологійскіе межъ Фомото Дсавкинасъ и Шкотомъ.

Книга Вождь Духовный.

Книга Виргиліушъ.

Книга на посланіе Павлово толкованіе.

Книга толкованіе на посланіе Апостола Іакова.

Книга о Священной Тайнѣ Богородицы Маріи и Іосифа.

Книга разсужденія на псаломъ Помилуй мя Боже.

Книга Іоанна Златоустаго толкованіе на Матвѣево на Марково и на Лукина Евангеліе.

Книга Ноклеусъ, се есть Ядро.

Книга Виргиліушъ.

Книжка въ тетратяхъ на галанскомъ языкѣ.

Книжка на Нѣмецкомъ языкѣ, называемая Домовая и Дорожная Аптека.

Кроника Александра Гвагнина на польскомъ языкѣ описаніе Корунъ Польской и Княжства Литовскаго.

Кроника Мартина Кромери на польскомъ языкѣ.

Да во 185 году прислано изъ Стрѣлецкаго Приказу въ Посольской Приказъ изъ животовъ Боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева книгъ на разныхъ языкахъ:

Двѣ книги Іоанна Златоустаго, въ доскахъ, ветхи, на Латинскомъ языкѣ.

Книга Аврелія Августина Епископа Гипонскаго учителя, безъ досокъ, ветха, на Латинскомъ языкѣ.

Книга описаніе Іерусалима града.

Книга Библія на Нѣмецкомъ языкѣ, въ черной кожѣ.

Книга Георгія Пахимеры по Греческому и по Латинскому языку.

Другая книга тогожъ Георгія такаяжъ, на одномъ латинскомъ языкѣ.

Книга о рѣчи посполитой творца Адама Консана, на Латинскомъ языкѣ.

Книга Виргилія Стихотворца на Латинскомъ языкѣ.

Книга Антонія Пассевина на Латинскомъ языкѣ, въ бу-
мажныхъ доскахъ.

Книга Лѣтописецъ Церковный Ветхаго Заветъ, на Латинскомъ языкѣ.

Книга Іоанна Антонія Веласивенса толкованія казанья, на Латинскомъ языкѣ.

Книга о гражданскомъ житіи на Латинскомъ языкѣ.

Книга Конская въ лицахъ на Польскомъ языкѣ, учительная.

Книга огороднаго и полатнаго строенія въ лицахъ, на Нѣмецкомъ языкѣ.

Книга чертежей полатныхъ въ лицахъ, на Нѣмецкомъ языкѣ.

въ полдестъ.

Книга Аристотеля, томъ первой.

Книга Іоанна Филопона о сотвореніи мира.

польскіе печатные въ дестъ.

Книга житія святыхъ.

Книга Гисторія Кромерова.

Книга Политика Аристотелева.

Книга Судебникъ Магдебурского Права.

Книга Гисторія Бѣлскаго старого.

Книга Мартина Лютера на Нѣмецкомъ языкѣ.

въ полдестъ.

Книга Ботера.

Книга Камень.

Книга Іустина Гисторика.

Книга Новѣй Завѣтъ.

Книга Краткое описаніе Польскихъ Королей.

к. г.

Въ прошломъ во 198 году Генваря 23 дня великихъ Государей въ грамотъ къ Гетману писано, что извѣстно имъ великимъ Государемъ, учинилось, что Македонскія земли Архимандритъ Діонисій въ Малороссійскихъ городѣхъ въ Нѣжинѣ отдалъ многія греческія книги нѣжинскому жителю и чтобъ онъ Гетманъ тѣ книги у того нѣжинского жителя описавъ имянно прислалъ въ Сѣвскъ, а изъ Сѣвска велѣно тѣ книги прислать къ Москвѣ.

И въ томъ же въ 198 году Марта въ 7 денькъ великимъ Государямъ изъ Сѣвска книгъ прислано по росписи:

Книга Законъ Царскій Рукописанный.

Аристотелева рукописанная о земляныхъ дѣлѣхъ.

Тогожъ Аристотеля книга, переведена, толкъ 5 гласовъ.

Книга Филиппа Клеверія землѣописательная, на Латинскомъ языкѣ.

Книга всѣхъ Соборовъ на Латинскомъ языкѣ.

книжки въ четверть.

Книга о Естествѣ каменей на Латинскомъ языкѣ и въ лицахъ.

Книга реторика Іоанна Восса, на Латинскомъ языкѣ.

Книга Философія Естественная, на Латинскомъ языкѣ.

Книга о подъемѣ въ Хинскую землю, на Латинскомъ языкѣ.

Книга толкованія Святыхъ, на Латинскомъ языкѣ.

- Книга огородная въ лицахъ на Нѣмецкомъ языкѣ.
Книга Аристотеля на Латинскомъ языкѣ.
Книга побѣда и радость Густава, Короля Шведскаго, на Латинскомъ языкѣ.
Книга о всякихъ разговорахъ на Латинскомъ языкѣ.
Книга въ лицахъ резныхъ дѣлъ Нѣмецкимъ языкомъ описаніе.
Книга огородная въ лицахъ, на Нѣмецкомъ языкѣ.
Книга Аристотелева логика.
Книга о Александрѣ Великомъ зовому Квинтусъ Курціусъ.
Книга разговоры Эразма Ротеродама на Латинскомъ языкѣ.
Книга о разговорахъ Нѣмецкимъ и Польскимъ языкомъ.
7 книгъ Граматикъ и въ томъ числѣ 4 Греколатинскихъ, 2 Латинскихъ, 1 на Галанскомъ языкѣ.
Книга раздѣленіе Судебное на Латинскомъ языкѣ.
Книга Гишпанскія тайны на Латинскомъ языкѣ.
Книга о небесныхъ теченіяхъ на Латинскомъ языкѣ.
Книга о Гражданствѣ на Латинскомъ языкѣ.
Книга Сокращеніе привиліевъ на Латинскомъ языкѣ.
Книга въ тетратехъ реторика Іоанна Восса на Латинскомъ языкѣ.

И изъ тѣхъ вышеписанныхъ книгъ огородного и полатного и городского стросней и резныхъ и водовзводныхъ и фигурныхъ образцовъ 17 книгъ изъ Посольского Приказу во 192 и во 193 годехъ врозныхъ числахъ взялъ къ себѣ на дворъ Князь Василій Голицынъ и назадъ вприказъ не присылывалъ.

Да во 191 году снесено въ Посольской Приказъ книгъ изъ Мастерскія Полаты.

15 книгъ печатныхъ на латинскомъ языкѣ глаголемыя атласъ, или описаніе всего свѣта переплетены.

И 7204 Іюля въ 29 день Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ указомъ вышеписанныя печатныя и письменныя книги Греческого, Латинского, и Греколатинского, и Нѣмецкого и Польского языковъ, которыя выше сего въ росписи написаны, въ Посольскомъ Приказѣ пересмотрѣть и переписать имянно; да и въ Приказѣ Малыя Россіи такіяжъ книги, которые есть на лицо переписать же и взять ихъ въ Посольской Приказѣ съ роспискою. А переписавъ тѣ всѣ книги собрать и держать въ Посольскомъ Приказѣ въ береженіи и записать для вѣдома въ книгу.

Изъ послѣдующей бумаги о истребованіи Греческаго Евангелія печатнаго въ Приказѣ книгъ печатнаго дѣла видно, что оный состоялъ подъ вѣденіемъ Ігумена Сергія Діака Андрея Михайлова въ 7205-мъ.

(О дальнѣйшей судьбѣ сихъ книгъ не видно ничего.)

ОБЗОРЪ СОЧИНЕНІЙ

ПИСАННЫХЪ НА МАЛОРОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКЪ.

=

(Языкъ, называемый обыкновенно малороссійскимъ,) которыми говорятъ въ юго-западныхъ губерніяхъ Россіи и въ Галицкомъ Королевствѣ, не есть нарѣчіе языка русскаго, образовавшагося въ послѣднее время; онъ существовалъ издавна и теперь существуетъ, какъ нарѣчіе славянскаго корня, занимающее по своему грамматическому и лексическому устройству средину между восточными и западными нарѣчіями огромнаго славянскаго племени, нарѣчіе правильное, богатое, гармоническое и способное къ развитію литературной образованности.) Но едва ли доказательства на все это нужны въ наше время, когда понятія о славянской филологіи довольно ясны, чтобы избавить читателя отъ скуки слушать подтвержденіе извѣстныхъ истинъ, въ которыхъ никакой просвѣщенный человѣкъ сомнѣваться не будетъ.

Но можетъ быть спросить: гдѣ же прежняя малороссійская литература? ибо если существовалъ народъ, то какъ можно, чтобы языкъ его оставался во-все безъ письменности? Но спросимъ прежде: была ли въ сѣверной Руси великороссійская литература? А между тѣмъ языкъ этой половины нашего отечества такъ же древень, какъ

и южной. Письменность къ намъ переншла вмѣстѣ съ С. Писаніемъ, и потому первыя сочиненія наши были духовныя, и, слѣдовательно, на славено-церковномъ языкѣ, употреблявшемся при Богослуженіи. Потомъ, мало-по-малу, съ развитіемъ общественной и политической жизни явилась необходимость въ другихъ родахъ письменности; но такъ какъ только славяно-церковный языкъ былъ приготовленъ къ этому, то онъ послужилъ матеріаломъ и для свѣтской общественной письменности, съ тѣмъ различіемъ, что въ него начали входить слова, выраженія и обороты языка народнаго. Но вотъ Россія раздѣлилась; западная и восточная часть ея начали жить особою другъ отъ друга жизнію; образовалось два письменныхъ языка: въ одной изъ смѣшенія славяно-церковнаго языка съ великороссійскимъ, а въ другой изъ смѣшенія того же языка съ малороссійскимъ или южно-русскимъ нарѣчіемъ. Въ Малой какъ и въ Великой Руси была своя литература, свой книжный языкъ, на которомъ почти всѣ писали, но едва ли кто говорилъ; — много сочиненій, и политическихъ, и дѣловыхъ и, наконецъ, ученыхъ, было писано на этомъ языкѣ, много переводилось на него изъ другихъ языковъ; иное издано; большая часть поконится непробуднымъ сномъ въ библіотекахъ.

Этотъ языкъ, извѣстный подъ именемъ руського, много имѣлъ вліянія на образованіе нашего языка высшаго общества и литературы: извѣстно, что Ломоносовъ учился по грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго и выучилъ наизусть Псалтырь переложенный въ стихи, Семеона Полоцкого. Руській языкъ былъ гораздо обработаннѣе, нежели письменный языкъ Великой Россіи; на немъ было писано мно-

го книгъ, въ которыхъ нуждались и въ Москвѣ; притомъ же, лучшіе проповѣдники наши первой половины XVIII вѣка были Малороссіяне, и хотя старались писать по русски, или по словенски, но не могли не вносить въ свои сочиненія элементовъ роднаго слова. При сильнѣйшемъ наплывѣ иностраннаго просвѣщенія, языкъ нашъ измѣнялся, принималъ другія формы, составились новыя грамматики; старинные обороты греческіе, латинскіе, польскіе, уступали мѣсто французскимъ и нѣмецкимъ; выступила литература новая, носившая на себѣ слѣды вліянія Европейской образованности; вкусъ утончался; публика возымѣла потребность въ чтеніи легкомъ, служащемъ къ удовольствію; явились романы, повѣсти, театральныя сочиненія. Въмѣстѣ съ Европейскимъ просвѣщеніемъ развивалась у насъ столичная жизнь: въ столицахъ сосредоточивались и просвѣщеніе, и науки, и литература, тамъ было горнило языка. Русскій языкъ ушелъ въ западныя губерніи, бывшія еще подъ властію Польши, и, гонимый въ обществѣ, доживалъ вѣкъ въ семинаріяхъ и училищахъ.

Съ возвращеніемъ Россіи западныхъ и южныхъ ея областей, русскій языкъ сталъ уже не нужнымъ; былъ другой общій языкъ: основаніемъ его взяты нарѣчія славено-церковное и великорусское, а образованъ онъ былъ по по вѣсьмъ возможнымъ иностраннымъ формамъ: и латинскимъ, и нѣмецкимъ, и французскимъ. . . . во всякомъ народномъ духѣ являлись у насъ сочиненія, исключая своего; такъ какъ и въ высшихъ обществахъ были въ модѣ попеременно всякіе языки, исключая русскаго.

Когда въ Европѣ явилась идея народности, подражательность уступала оригинальности, а школьность таланту;

Русскіе, хватая съ жадностію все, что ни попадалось подъ руку, усвоили себѣ и эту идею и нашли у себя богатые силы для осуществленія ея; мы начали стыдиться своего равнодушія къ отечественному и безотчетной привязанности къ чужестраннему; мы увидѣли, что, не смотря на огромное количество книгъ, у насъ нѣтъ литературы, и обратились къ собственному источнику національности и народности. Измѣнялся вкусъ; измѣнялся и языкъ. Чужестраннія формы, которыя наложены были на наше родное слово превратными понятіями объ изящномъ, уступали роднымъ формамъ народнаго языка великороссійскаго, облагороженнаго просвѣщеніемъ, науками и употребленіемъ въ высшемъ обществѣ. Измѣнялась и литература. Главное стремленіе ея было не къ подражанію иностранному, но къ своенародности. Въ такомъ преобразованіи должны были, повидимому, участвовать только одни великороссіане, а между тѣмъ вся Россія, богатая другими элементами, имѣла въ него право: ближайшее принадлежаю Малороссіанамъ, какъ народу многочисленному и единому по вѣрѣ и племени съ Великороссіанами. Но народность Малороссіи есть особенная, отличная отъ народности Великороссійской; Малороссіане во-все или не должны были касаться литературы, или же усвоить себѣ народность Великороссійскую. Несправедливость того и другаго мнѣнія, если бы кто имѣлъ несчастіе защищать ихъ, очевидна сама собою. Благодаря самодержавію и единовластію, у насъ не могутъ разныя противныя идеи управлять общественными мнѣніями, какъ-бы оно ни было разнообразно; у насъ необходимо должно быть одно стремленіе: если какая-нибудь идея въ извѣстномъ отдѣлѣ нашей цивилиза-

ція брошена въ одномъ углу государства, не возможно, чтобъ она не проникла въ самые отдаленные. Теперь идея народности оживила нашу литературу: и читающая публика и писатели почитаютъ народность главнымъ достоинствомъ всякаго сочиненія по изящной словесности. Но какъ могъ явиться на поприщѣ изящной литературы Малороссіянинъ, получившій первыя впечатлѣнія въ Малороссіи, лепетавшій, можетъ быть, первыя слова на родномъ своемъ языкѣ? Не иначе какъ съ своею малороссійскою народностію, съ своимъ народнымъ нарѣчіемъ. Многіе изъ Малороссіянъ чувствовали, что на русскомъ языкѣ нельзя того выразить, что можно на малороссійскомъ, и потому начали употреблять свое родное слово. И въ самомъ дѣлѣ: они правы. Конечно, Гоголь въ своихъ высокихъ созданіяхъ много выразилъ изъ малороссійскаго быта на прекрасномъ русскомъ языкѣ, но надобно сознаться: знатоки говорятъ, что многое тоже самое, будь оно на природномъ языкѣ, было бы лучше. Притомъ, много найдется талантливыхъ людей, которые, по обстоятельствамъ жизни, такъ сроднились съ малороссійскимъ языкомъ, что еслибъ они начали писать по русски, то писали бы худо, а по малороссійски сочиненія ихъ читались бы соотечественниками съ большимъ удовольствіемъ.

И такъ, идея народности, подвинувшая впередъ русскую литературу, произвела въ ней особенный отдѣлъ—литературу малороссійскую, которая, по направленію своему, есть чисто русская, своенародная. Многіе изъ современныхъ рецензентовъ называютъ это стремленіе писать по малороссійски непонятною прихотью, но думаютъ неосновательно: оно есть потребность времени, потому что исходитъ изъ того начала, которое оживляетъ настоящее общество.

Малороссійскій народный языкъ до того времени почти не имѣлъ письменныхъ памятниковъ, какъ и всякое народное слово до появленія идеи народности; но, за то, этотъ языкъ тайно хранилъ въ себѣ богатые сокровища поэзіи—народныя пѣсни и сказки. Долго никому до нихъ не было дѣла; только въ послѣднее время обратили на нихъ вниманіе. Сказокъ у насъ никто не издавалъ; пѣсень существуютъ четыре собранія: князя Цертелева, 1-е и 2-е изд. Максимовича, Запорожская Старина Срезневскаго и Малороссійскія и Червонорусскія Думы и Пѣсни, С. п. б. 1836 г. Къ этимъ надобно причислить собранія, являвшіяся въ Галиціи; изъ нихъ извѣстны мнѣ собранія Вацлава зъ Олеска, Жеготы Паули и Лозинскаго Сватѣба Русская (Ruśkoe wesile). Галичане перещеголяли насъ полнотою и точностію своихъ изданій. Изъ русскихъ собраній только Запорожская Старина имѣетъ видъ какой-нибудь полноты. Г. Срезневскій имѣлъ цѣлю собрать однѣ историческія пѣсни, и издалъ съ замѣчаніями, очень дѣльными и учеными; собраніе князя Цертелева ограничивается только семью думами; въ 1-мъ изд. Максимовича помѣщено только 130 пѣсень; во 2-мъ есть замѣчательныя бытовья,—но прекрасное предпріятіе его остановилось; издатель Мал. и Червонорусскихъ Думъ и Пѣсень оказалъ услугу любителямъ народности сохраненіемъ многихъ важныхъ историческихъ пѣсень, изъ которыхъ одна изумительна по своей величинѣ и эстетическому достоинству. Вотъ и все. Тысячи драгоцѣнныхъ памятниковъ народной поэзіи еще не изданы и вовсе не извѣстны. Ждутъ ихъ изданія отъ Бодянскаго, Метлинскаго и другихъ.

Но малороссійскія сочиненія появились гораздо прежде, нежели изданія пѣсень. Уже въ 1808 г. было второе изда-

ніе Энеиды, перелицованной на малороссійскій языкъ И. Котляревскимъ. Онъ первый началъ писать по малороссійски (*).

Во время упадка классицизма и вторженія въ европейскія литературы романтическихъ идей, вкусъ общества портился и принялъ самое странное направленіе: не смѣли разстаться съ вѣрою въ завѣтные предразсудки, не смѣли принять формъ новаго рода, казавшихся еще дикими,—смѣялись надъ тѣмъ и другимъ: плодомъ такой нерышительности явился особенный родъ сочиненій—пародіи. Писатель бралъ предметы классическіе, одѣвалъ ихъ въ романтическую одежду, и такимъ нескладнымъ нарядомъ смѣшилъ публику. Многія изъ безсмертныхъ твореній древности испытывали горькую чашу пародій: въ числѣ ихъ была Энеида Виргилія. Перелицованныхъ Энеидъ вездѣ было довольно количество. И къ намъ, на святую Русь, забрело это направленіе, забрело такъ, какъ обыкновенно и другія идеи заходили къ намъ. У насъ начали писать пародіи—не угодно ли прочесть Осипова? но Котляревскій насмѣшилъ лучше.

Умный, смѣтливый человекъ сей-часъ отгадалъ, чѣмъ можно позабавить публику, которая, если не пресытилась классицизмомъ, то, по-крайней мѣрѣ, дремала за толстыми книгами въ 12 пѣсняхъ и драмахъ съ тремя единствами. Котляревскій взялъ Энеиду для пародіи и выбралъ для ней такую форму, которая въ самомъ дѣлѣ могла удовлетворить желанію позабавиться надъ книгою. Чего лучше?

Кто писалъ до него, и что написано, это пока остается нетронутымъ вопросомъ.

Малороссійскій языкъ—самая романтическая форма; Энеида—самое классическое содержаніе. Вотъ и явилась Энеида въ малороссійской одеждѣ: троянскій герой сталъ моторный *парубокъ*; Юнона—суча дочка *роскудкудакта*—ласъ якъ квочка; Зевесъ *лигавъ вишиньку*, *маківниками зайдавъ*, и Нептунъ *сидівъ надъ водою*, *изморицившись*, *старый шкарбунъ*. Всѣ читали Энеиду, даже и тѣ, которые не сознавались въ томъ, вмѣняя въ стыдъ читать на такомъ нарѣчій, какимъ говорить ихъ конюхи. Этому-то смѣшному обязана Энеида своимъ успѣхомъ. Что жъ такое Энеида Котляревскаго сама-по-себѣ, безъотносительно къ тогдашнему обществу? Пародія выполнена прекрасно, но время пародій уже прошло: романтическая форма стала намъ не чужда, а классическому содержанію мы возвратили должное уваженіе. Но истинный талантъ, въ какомъ бы видѣ не явился, не можетъ не показать своихъ достоинствъ; пусть сочиненіе его будетъ искажено, недокончено—все оно будетъ носить на себѣ отпечатокъ души творца, все-таки въ немъ найдете такую сторону, съ которой если взглянете, то невольно скажете: сочиненіе хорошо. Энеида, какъ пародія, потеряла для насъ свою цѣну; но таже самая Энеида, какъ вѣрная картина малороссійскаго быта, какъ первое сочиненіе на малороссійскомъ языкѣ, въ глазахъ нашихъ—драгоценное твореніе: мы видимъ въ ней такія достоинства, которыя были скрыты отъ современныхъ читателей.

Энеида, разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, имѣетъ для насъ три неотъемлемыя достоинства. Во первыхъ, мы видимъ въ ней, какъ я сказалъ выше, вѣрную картину малороссійской жизни. Авторъ зналъ хорошо Малороссію.

жилъ въ ней и съ нею, пользовался всѣмъ, что было у него предъ глазами. Характеры его боговъ и героевъ истинно малороссійскіе въ малѣйшихъ ихъ пріемахъ. Во вторыхъ, она драгоценна для насъ по неподражаемому юмору, съ которымъ авторъ изображаетъ пороки и смѣшную сторону своего народа. Стоитъ только вспомнить описаніе ада—всѣ грѣшники носятъ на себѣ черты малороссійскія и даже осуждены на муки, которыя только придутъ въ голову малороссіянину. Въ третьихъ, языкъ его, правильный, блестящій, народный въ высочайшей степени, останется самымъ лучшимъ памятникомъ. И надобно сознаться, что едвали у кого онъ достигаетъ такой игривости и непринужденности, хотя чуждый малороссійскому языку четырехстопный ямбъ, въ которой онъ заковалъ свою пародію, очень мѣшалъ его легкости.

Что касается до тривіальностей, соблазнительныхъ сценъ и нѣкоторыхъ отвратительныхъ описаній, которыхъ, къ сожалѣнію, много у Котляревскаго, то онъ суть плодъ ложнаго понятія о смѣшномъ: тогда думали что все отвратительное можетъ забавлять.

✓ Опера Наталка Полтавка есть опытъ Котляревскаго въ другомъ родѣ: сочинитель хотѣлъ представить здѣсь семейный бытъ Малороссіянь, нѣжное сердце малороссійской дѣвушки; піеса пріобрѣла сочувствіе въ читателяхъ. Наталка представляема была столько разъ на сценѣ; всѣ слушали ее съ участіемъ, — и до сихъ поръ она любимое сочиненіе Малороссіянь, не смотря на то, что содержаніе ея отзывается устарѣлою сентиментальностію прошлаго вѣка.

Стихотворенія Артемовскаго-Гулака, пріобрѣтшія такую извѣстность, написаны, исключая перевода Гетева Рыбака, въ пародическомъ духѣ, подобно Энеидѣ Котляревскаго. Необыкновенная легкость и правильность языка, свобода въ выраженіяхъ и непринужденный комизмъ обличаютъ въ сочинителя высокой талантъ, отъ котораго можно было бы ожидать драгоценныхъ плодовъ . . . лучшее изъ его твореній—это *Панъ та Собака*, сказка, которая, въ ряду апологическихъ твореній русской литературы, занимаетъ почетное мѣсто.

Впрочемъ для многихъ не столько было забавно содержаніе сочиненій Котляревскаго и Артемовскаго, сколько слова, выговоръ, обороты малороссійскаго языка. Но пришла наконецъ пора получить вѣрнѣйшее понятіе о славянской филологіи. Гребенка первый (*) отошелъ отъ прежняго пародическаго направленія: этотъ даровитый писатель, сознавая, что слово, которымъ потынали публику Котляревскій и Артемовскій, вовсе не искаженное нарѣчіе русскаго языка, а языкъ данный судьбою въ удѣлъ 12 мил. народа, хотѣлъ въ своихъ сочиненіяхъ показать способность его къ развитію и богатство. Перевестъ Полтаву Пушкина на малороссійскій языкъ—идея смѣлая, приносящая честь тому, кто первый счелъ языкъ способнымъ къ этому. Какъ многіе первые опыты даровитыхъ писателей—переводъ, правду сказать, не удался: но во всякомъ случаѣ, цѣнители малороссійскаго слова всегда будутъ благодарны писателю за то, что онъ показывалъ его достоинство и проложилъ дорогу другимъ. Не его *Приказки* всегда прочтутся съ наслажденіемъ: авторъ

(*) Кажется, не Гребенка, а Боровиковскій въ своихъ балладахъ. *Примѣчаніе Корректора.*

явился въ нихъ не пародистомъ, не насмѣшникомъ надъ малороссійскою народностію и словомъ, но малороссійскимъ баснописцемъ, и превосходно показалъ еноспособность малороссійскаго языка къ апологическимъ сочиненіямъ.

(X Безъ всякаго сомнѣнія, честь возведенія роднаго слова на высшую степень развитія, — смѣю сказать, честь созданія малороссійской литературы принадлежитъ писателю, скрывавшему себя подъ вымышленнымъ именемъ Основьяненка.) Далекій отъ того, чтобъ принимать языкъ малороссійскій за орудіе къ возбужденію смѣха, (этотъ талантливый писатель въ многочисленныхъ своихъ твореніяхъ имѣлъ задачею изобразить домашнюю жизнь малороссійскаго народа) въ извѣстныхъ ея проявленіяхъ. (Нравственная цѣль, обиліе чувства безъ сентиментальности, непринужденный комизмъ безъ притязаній на искусство смѣшить и увлекательность разсказа поставили его въ глазахъ образованной публики въ числѣ отличныхъ писателей, а вѣрное изображеніе народнаго быта, живость и естественность характеровъ пріобрѣли ему любовь соотечественниковъ, увидѣвшихъ въ первый разъ свое собственное въ литературѣ, изображенное по-своему, своимъ тономъ.) Лучшая похвала Основьяненку съ этой стороны состоитъ въ томъ, что даже тѣ, которые ничего не читають, принялись съ удовольствіемъ за его повѣсти; но всѣмъ этимъ не ограничиваются его литературныя заслуги: человекъ, имѣющій высшій взглядъ на изящное, откроеть (въ его сочиненіяхъ неотъемлемыя достоинства: въ основаніи почти каждаго изъ нихъ лежитъ идея глубокая, человѣческая, прекрасно развитая въ извѣстной формѣ проявленій нравственнаго міра разумныхъ существъ.) Такія сочиненія, гдѣ бы они

ни были, должны быть включимы въ число отличныхъ твореній. Тѣмъ замѣчательнѣе онѣ кажутся при малороссійскомъ элементѣ, еще мало разработанномъ, на малороссійскомъ языкѣ, на которомъ не было ничего написано, кромѣ двухъ-трехъ пародій. (Литература) считающая въ себѣ такія творенія, не можетъ быть ничтожною: (при маломъ количествѣ своихъ произведеній она счастлива, если можетъ похвалиться такими, въ которыхъ видно не какое-нибудь подражаніе чужому, не иностранныя чуждыя идеи, одѣтыя въ искаженную форму, не жалкая всеобщность, мысли всѣмъ извѣстныя, выраженные образами всѣмъ извѣстными, но истинное изображеніе своего, роднаго, со всѣмъ отпечаткомъ національнаго характера.)

(Многіе поставляли главнѣйшимъ достоинствомъ сочиненій Основьяненка комизмъ; но, по моему мнѣнію, это второстепенныя качества предъ неисчерпаемымъ родникомъ чувства.) Обращаясь къ тѣмъ, которымъ извѣстна малороссійская народная поэзія. Они знаютъ, какое важное мѣсто занимаетъ въ ряду достоинствъ этой дѣвственной поэзіи глубокое чувство; въ какой степени этотъ истинный источникъ всего благороднаго, изящнаго наполняетъ очаровательныя созданія украинской музы. (Но это чувство является въ пѣсняхъ отдѣльно, отрывисто, кромѣ нѣкоторыхъ романсовъ, удивительныхъ по своей художественности: оно все въ лирическихъ пѣснопѣніяхъ, болѣею частію въ рапсодахъ, отрывкахъ, проявляется мгновенно, вспыхиваетъ сильно, но не продолжительно. Это движеніе сердца, звуки, издаваемые струнами его, аккорды согласные, плѣнительные, не исчезающіе въ воздухъ: отголосокъ ихъ остается только въ сердцѣ; умомъ вы не

поймете его, потому что въ немъ нѣтъ мыслей, — въ немъ есть чувство, доступное единственно сердцу, хранилищу чувствъ. Оно не осязаемо, не видимо, не уловимо: облеките его въ форму, соедините съ мыслию, назначьте ему пространство и время, обставьте его тѣми картинами, при которыхъ оно будетъ понятно, сообщите его тѣмъ характерамъ, которые могутъ вмѣщать его, — и неясное сдѣлается яснымъ: вы его увидите въ образахъ; вы поймете то, что прежде только чувствовали; доступное сердцу станетъ понятно ему; красота первобытной поэзіи для васъ не потеряется; вы тогда можете дать отчетъ себѣ въ томъ, что васъ занимаетъ, къ чему вы влечетесь: оно вполне ваше, потому что все ваше существо проникнуто имъ.)

Писатель воспринимаетъ переданное ему народомъ и возвращаетъ ему отъ него взятое полнымъ и сознательнымъ; неправильнымъ, отрывистымъ частицамъ сообщаетъ цѣлость, собираетъ разсыпанные перлы и создаетъ изъ нихъ художественныя ожерелья. Съ этой точки зрѣнія мы должны смотрѣть на Основьяненка въ его прекрасныхъ повѣстяхъ, гдѣ наиболѣе проявляется эта существенная жизнь Малороссіи, вся полная чувства, дышащая ея дѣвственнымъ воздухомъ. По-крайней мѣрѣ, такое выраженіе имѣютъ четыре лучшія его повѣсти на малороссійскомъ языкѣ: Маруся, Козырь Дівка, Щира Любовь и Оксана: изображенія женскаго малороссійскаго сердца, представленнаго подъ разными обстоятельствами жизни и въ разныхъ характерахъ. Отлагая въ сторону всѣ впечатлѣнія, какія эти повѣсти могутъ произвести на читателя, который въ нихъ видитъ идиллическій міръ настоящаго времени, мы взгля-

немъ, что выражаютъ они, какъ собственно малороссійскія произведенія.

Идея любви, общая и священная человечеству, основаніе истинно-нравственнаго, а слѣдовательно и истинно-изящнаго, является въ различныхъ видахъ, обусловливаемая, между-прочимъ, степенью образованности и историческою жизнію народа. Въ народѣ юномъ, но просвѣтленномъ религіею и стоящемъ на извѣстной степени нравственнаго развитія, она проста, наивна, не удаляется отъ чувственности, но облагораживаетъ ее; чувство, обладающее существомъ, не подавляетъ его, но направляетъ къ дѣятельности. Малороссія, по степени образованія своего, страна дѣвственная, юная, по жизни же исторической она испытала слишкомъ много, выполнила назначенное ей отъ провидѣнія, и одряхлѣла древняя жизнь умираетъ въ ней, а новая только начинаетъ проявляться. Два характера отличаютъ ее настоящее положеніе.)

Малороссійская женщина, осужденная въ теченіе двухъ вѣковъ на мгновенную радость, на минутные пламенные восторги, а потомъ на горькую, часто досмертную тоску, окованная въ своихъ желаніяхъ непреодолимою судьбою, получила себѣ въ удѣлъ наклонность къ мечтательности, отъняющей ее даже въ минуты полного наслажденія своимъ бытіемъ. Чувства обладаютъ ее существомъ, въ страсти она не предается порывамъ необузданнаго восторга, но хочетъ чувствовать эту радость; печаль ея есть чувствительное созерцаніе, которое въ области сердца тоже, что въ области ума ясное сознаніе. Этотъ характеръ переходилъ изъ рода въ родъ, отъ матери къ дочери, и до сихъ поръ сохраняется. Но, между-тѣмъ, эта мечтатель-

ность, плодъ тѣхъ несчастныхъ часовъ, когда женщина, едва расцвѣтшая, тосковала въ горькомъ одиночествѣ, тщетно призывая милыхъ сердцу изъ дальней могилы, теперь ~~слилась~~ уже съ другимъ элементомъ, чувствомъ семейнымъ. Протекли буйныя времена, исчезли бѣдствія, народъ началъ свѣкаться съ жизнью мирною, семейною, и женщина уже познала миръ души, счастье тихой жизни. Но печать прежняго остается на ней,—и потому, съ одной стороны, любовь Малороссійки носить на себѣ отпечатокъ мечтательности, проникнута глубокимъ чувствомъ, часто убивающимъ нѣжное существо, немогущее преодолѣть препятствій, которыя завистливая судьба составляетъ между ею и любимымъ предметомъ; — съ другой стороны, согласуясь съ духомъ времени, она не въ состояніи ограничиваться одною сферою внутренняго чувства; это чувство пробуждаетъ всѣ другія способности души и направляетъ ихъ къ дѣятельности. Типомъ перваго характера можетъ служить Маруся. Быть можетъ, для нѣкоторыхъ она покажется просто идиліею въ родѣ Геснера; нѣтъ, основаніе повѣсти истинно народное.

Маруся совершенно возможна въ Малороссіи. (Скромная деревенская дѣвушка, воспитанная подъ надзоромъ простыхъ, но благочестивыхъ родителей, получившая съ рожденія томный и мечтательный нравъ, развившійся, какъ видно, чрезъ отчужденіе отъ подругъ и любовь къ домашнимъ занятіямъ, увидѣла на чужой свадьбѣ парубка, который ей понравился. Но такъ-какъ у сердецъ мечтательныхъ мгновеннаго чувства не бываетъ, то эта любовь превратилась скоро въ тихую страсть. Вотъ они познакомились, сблизились: судьба поставила имъ препятствіе: страсть

сильнѣе развилась, сердце начало таять, — опять сблизилась, — счастье имъ улыбнулось; но вотъ опять разлука: — Маруся, въ которой томное, снѣдающее чувство развилось до высокой степени, не устояла; воля ея была слишкомъ слаба, міръ, окружающій ея, уже давно сталъ ей чуждъ, хотя она, по-видимому, жила для него, — Маруся истлѣла медленнымъ огнемъ, который при мечтательномъ настроеніи духа сожигаетъ свою жертву непримѣтно. Эта столь поэтическая Маруся ничуть не идеаль: она обыкновенна въ бытіи малороссійскомъ; вы можете много увидѣть такихъ Марусь и, можетъ быть, ни одной не узнаете. Когда послѣ разлуки съ любезнымъ вся душа ея таетъ въ тихой страсти, когда вся жизнь ея сосредоточивается въ воспоминаніяхъ о незабвенныхъ минутахъ, проведенныхъ съ нимъ, — она занимается домашними работами: прядетъ, шьетъ, еще прилежнѣе, чѣмъ прежде, — и только изъ того, что чуждается брака и убѣгаетъ веселости, вы можете замѣтить, что ея сердце не свободно; но до какой степени связываютъ ее узы страсти — этого вы не узнаете. Самая кончина ея для посторонняго взора представляется обыкновенною — дѣвушка простудилась, получила горячку и умерла. Но авторъ раскрылъ предъ вами ея душу, ввелъ васъ въ таинственный міръ, и вы изумляетесь обилію неисчерпаемаго чувства, которое было отъ васъ закрыто, и вы смотрите на нее съ другой точки зрѣнія. Что же это такое? это чувство, напомиравшее бѣдное сердце поселанки и убившее ея своимъ обиліемъ: вотъ малороссійская поэзія! Маруся, будучи ежедневнымъ явленіемъ, типомъ обыкновенной Малороссійанки, есть вмѣстѣ существо прекрасное. Авторъ низвелъ васъ въ свой буколическій міръ для того,

чтобъ показать всю его прелесть и изящество. А откуда это изящество характера Маруси? оно истекаетъ изъ глубины характера Малороссійской націи и понятно изъ ея исторической жизни. Маруся—это Малороссіянка древняго вѣка, живущая въ новомъ.

Необходимыя для обрисовки характеровъ дѣйствующихъ лицъ описанія и сцены того быта, въ которомъ дѣйствуютъ они, выполнены очень удачно. Авторъ избралъ лучшіе поэтическіе моменты малороссійской жизни и представилъ ихъ въ привлекательномъ видѣ: трогательное описаніе погребенія несчастной жертвы чувствъ прекрасно въ высшей степени, и поясняетъ самую душу Маруси, становится ея возможною въ томъ родѣ, котораго обряды и обычаи проникнуты до такой степени глубокою мечтательностію.

Но, при всемъ превосходномъ изображеніи характера Маруси, при всѣхъ прекрасныхъ описаніяхъ, трогательныхъ и увлекательныхъ сценахъ, — однимъ словомъ, при всѣхъ неотъемлемыхъ ея достоинствахъ, мы должны замѣтить, что она имѣетъ большіе недостатки. Характеръ Василя не ясенъ и даже не естественъ; въ немъ не видно такого простодушнаго чувства, какъ въ Маруси, — онъ сентименталенъ, и самое удаленіе его въ монастырь не производитъ сильнаго эффекта. Характеры Наума, отца Маруси, и матери ея тоже не отличаются рѣзкими чертами. Въ отдѣлкѣ нѣтъ художественности: иное растянuto, другое не досказано.

Козырь Дівка знакомитъ васъ съ другою стороною женскаго малороссійскаго міра; здѣсь тоже народное чувство, но уже при другихъ явленіяхъ и въ другомъ характерѣ.

Оно не исчезаетъ въ мечтательности, и душа, наполненная имъ не дѣлается преждевременною его жертвою; напротивъ, чѣмъ болѣе оно объемлетъ ее, тѣмъ сильнѣе побуждаетъ къ дѣятельности, и ведетъ не къ смерти и разрушенію, но къ жизни. Ивга такая же чистая Малороссіянка, но совершенно противоположная Маруси. Она любитъ своего Левка, какъ Маруся своего Василя, а встрѣчасть гораздо большія препятствія и лишенія. Въмѣстѣ съ каждымъ изъ нихъ, усиливается ея чувство; но за то, чѣмъ сильнѣе искушается ея судьба, тѣмъ готовѣе она побѣдить всѣ эти искушенія. Для достиженія цѣли, указанной ей чувствомъ, она бросается въ другую сферу, совершенно ей незнакомую, и любовь, руководившая ее, остается навсегда въ ея сердцѣ, помирившись съ жизнію. Вы видите здѣсь торжество воли, — не думайте искать источника въ разумъ, — ищите его въ сердцѣ: Ивга предается его влеченію, и оно-то окрыляетъ ея волю и доводитъ до края желаній. Если Маруся можетъ служить типомъ Малороссіянки, подъ вліяніемъ судьбы, то Ивга есть таже Малороссіянка въ нормальномъ состояніи, то есть такова, какою ей быть должно при ея характерѣ, при свободномъ развитіи ея способностей: Маруся представлена авторомъ въ болѣзненномъ состояніи, хотя и естественно; но это потому, что на той націи, въ которой она живетъ, лежитъ отпечатокъ болѣзненной дряхлости, — это дѣвушка доживающей Малороссіи; — Ивга дитя свѣжей жизни, процвѣтшей уже на обновленной почвѣ, которую питали прежнія стихіи, но освѣщало солнце возрожденія.

Повѣсть Козырѣ Дѣвка по отдѣлкѣ гораздо лучше Маруси; здѣсь не страдаетъ художественность, соблюдена сораз-

мѣрность въ частяхъ, и все на своемъ мѣстѣ. Читатель увидитъ здѣсь вѣрную картину нравовъ различныхъ сословій Малороссіи, начертанную съ истиннымъ юморомъ, и тѣмъ избавляется отъ монотонности, неизбежной тамъ, гдѣ хотѣть заставить или плакать, или смѣяться отъ начала до конца піесы.

Представивъ въ двухъ повѣстяхъ характеръ Малороссіянки въ жизни созерцательной и практической, г. Основьяненко въ своей повѣсти *Щира Любовь* (Вотъ Любовь) показываетъ вамъ самое высокое развитіе малороссійскаго чувства. Если Маруся есть изображеніе древняго вѣка, исчезающаго въ новомъ, если въ Ивгѣ глубокое чувство, овладѣвшее всѣмъ составомъ женщины, вводитъ ее въ сферу практической жизни, то въ Галочкѣ оба эти элемента сливаются: мечтательность въ ней развита еще живѣе, чѣмъ въ Марусѣ, за то и воля въ ней дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ въ Ивгѣ. Чувство, обладающее Ивгою, устремляетъ ее къ боренію съ препятствіями, поставленными судьбою, къ достиженію цѣли посреди житейскаго волненія; въ Галочкѣ это чувство служитъ источникомъ борьбы, происшедшей во внутреннемъ мірѣ. И Маруся, и Ивга суть типы извѣстныхъ малороссійскихъ лицъ съ ихъ главными побужденіями: Маруся женщина обыкновенная, черты ея—томность, нѣжность и слабость вы найдете повсюду, даже всю исторію ея можете услышать вездѣ; Ивга дѣлается возможною по мѣрѣ того, какъ новая жизнь замѣняетъ старую: народъ становится на высшую степень общности, слѣдовательно, дѣятельность будетъ плодомъ всѣхъ побужденій;—Галочка всегда идеаль, показывающій высокое нравственное совершенство, до ка-

кого можетъ довести глубокое чувство при здоровомъ состояніи другихъ способностей. Но надобно сознаться, что для повѣсти *Щира Любовь* не достаѣтъ еще много, не смотря на прекрасныя описанія и трогательныя сцены, показывающія въ авторѣ высокій талантъ. Чувства доходятъ иногда до сентиментальности, напоминающей романы прошлаго вѣка; характеръ офицера не ясенъ, сама Галочка не вездѣ понятна: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она говоритъ такъ, какъ будто бы слушала университетскія лекціи.

По моему мнѣнію, эти три піессы, вмѣстѣ съ *Оксаною*, которая можетъ служить какъ бы дополненіемъ изображенія малороссійской женщины, *Ложными Понятіями* и *Панною Сотниковною*, писанными по русски, суть лучшія произведенія Основьяненка. Но талантъ нигдѣ не оставляетъ его. Повѣсть: *Отъ тобѣ шкарбѣ* имѣетъ большое достоинство, какъ изображеніе народныхъ вѣрованій, и замѣчательна по своему юмору и богатому описанію. *Салдатскій портретъ* есть художественный эскизъ изъ малороссійскаго быта. Не менѣе замѣчательна по своему комизму опера *Сватанье на Гончаровкѣ*, доказывающая, что авторъ можетъ быть и драматическимъ писателемъ. Не лишнимъ считаемъ выставить здѣсь списокъ сочиненій Г. Основьяненка (*).

(*) А. Малороссійскія повѣсти, (2 части; издан. въ Харьк.).

1. Салдатскій Портретъ.
2. Праздникъ Мертвецовъ.
3. Дѣлай добро и тебѣ будетъ добро.
4. Конотопская вѣдьма.
5. Вотъ тебѣ и кладъ.

Переводы помѣщены въ період. изданіяхъ: въ *Современникѣ* и др.

6. Божія дѣти (въ Утр. Зарѣ).

См. 779
и 785.

Произведенія Шевченка, изданныя въ отдѣльной книжкѣ подъ названіемъ *Кобзарь*, показываютъ въ авторѣ необыкновенное дарованіе. Онъ не только наитанъ народною малороссійскою поэзіею, но совершенно овладѣлъ ею, подчинилъ ее себѣ и далъ ей изящную, образованную форму. Черты въ изображаемыхъ имъ лицахъ—*Катерина*, *Кобзарь*, *Перебеньдъ* суть тѣ самыя, которыя намъ представляетъ природа; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ заключается поэзія общая, понятная всякому. Чувство поэта отличается характеромъ томнымъ, унылымъ; онъ принимаетъ близко къ сердцу прежнюю судьбу народа,—но это тоска вовсе не изученная — это цѣлый народъ, говорящій устами своего поэта: душа его сознала сочувствіе

-
7. Перекотиполе (въ Молодикѣ).	
8. Вотъ любовь (въ Современѣ).	
9. Панна Сотниковна.	
10. Ложныя понятія.	} На русск. языкъ; помѣщены въ Соврем.
11. Украинскіе Дипломаты.	
12. Ярмарка.	
13. Фенюшка.	
14. Ганнуся (въ Телескопѣ), отпечатана особо.	
15. Герой очаковскихъ временъ (въ Современникѣ).	
16. Маргарита.	} Въ Москвит. переводѣ.
17. Оксана.	
18. Добрый Панъ (въ Кіевлянинѣ).	
19. Гаркуша (въ Соврем.)	
20. Козырь Дівка (перев. въ Современ., особо отпечатана.)	
21. Основаніе Харькова (на русскомъ языкѣ, въ Молод.)	
22. Двѣнадцатый годъ въ провинціи (въ От. Зап.)	
- В.) 1. Головатый (въ От. Зап.)
2. Городъ Харьковъ (въ Соврем.)
3. Листы до нашихъ землякивъ (особо отпеч.)

и сходство между состояніемъ своимъ и общенароднымъ чувствомъ; вмѣстѣ съ движеніями сердца, которыя принадлежать поэту, живо слились движенія, свойственныя всякому, кто будетъ въ состояніи ему сочувствовать. Оттого всякій—будь только у него хоть нѣсколько тѣхъ побужденій, которыя наполняютъ внутренній міръ Мало-россіянина—будетъ до того проникнутъ поэзією Шевченка, что забудетъ, чужое ли это, полученное извнѣ, или свое собственное, которое явилось въ области сердца съ незапамятнаго времени, такъ-какъ первыя идеи дѣтства. /Какъ, на-примѣръ, превосходно это описаніе:

4. О Слободскихъ Полкахъ (въ Соврем).

С.) 1. Панъ Халявскій (въ От. Зап).

2. Походженія П. Столбикова. 3 части.

D.) Драм. произведенія.

1. Дворянскіе Выборы. 2 части. Комедія.

2. Шельменко—волостной писарь. } Комедія.

3. Шельменко—деньщикъ.

4. Сватанье на Гончаровкѣ. Опера.

5. Щира Любовь. Драма.

6. Бой-жінка. Опера.

МЕЛКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

Готоронтъ.

Исторія харьковского театра.

Безсрочный.

Знахарь.

Мемуары Пампушкнна.

Званые гости, и многія другія мелкія статьи, помещенныя въ прежнихъ періодическихъ изданіяхъ, въ Харьковѣ выходившихъ.

Бють пороги, місяць сходить,
Якъ и перше сходитьъ —
Нема Січи, пропавъ и той,
Хто всѣмъ верховодивъ;
Нема Січи — очереты
У Дніпра пытають:
«Де-то наші діти ділись?
Де вони гуляють?»
Чайка скіглить, літаючи,
Мовъ за дітьми плаче,
Сонце гріє, вітеръ віє
На степі козачій.
На тій степі скрізь могили
Стоять, та сумують —
Пытаються у буйного:
«Де наші панують?
Де панують, бенкетують?
Де вы забарились? . . .
Верніться! — Дивіться,
Жита похилились, —
Де паслися ваші коні,
Де тирса шуміла,
Де кровъ Ляха, Татарина
Моремъ червоніла —
Верніться!» —

Языкъ Шевченка превосходень вездѣ; надобно только пожелать его сочиненіямъ большей художественности, недостатокъ этотъ видѣнь не въ Кобзарѣ, но въ послѣдующихъ его сочиненіяхъ.

Основьяненко и Шевченко, безъ сомнѣнія, суть лучшіе малороссійскіе писатели; особенно отъ послѣдняго, при счастливомъ направленіи, можно ждать плодовъ достойныхъ;

но малороссійская литература всегда будетъ гордиться и

другими именами даровитыхъ писателей, каковы на-примѣръ: *Тополя, Могила* и др.

Чары г. Тополи, какъ всякое сочиненіе, выходящее изъ обыкновеннаго круга, испытали двѣ крайности въ сужденіяхъ нашихъ критиковъ. Полевой въ Б. для Ч. указывалъ на нихъ, какъ на необыкновенное, замѣчательное явленіе; другіе говорили, что въ Чарахъ нѣтъ здраваго смысла, ни тѣни народности. Читатель-Малороссіянинъ не увидитъ въ Чарахъ отпечатка творчества, но онъ все-таки прочтетъ ихъ съ удовольствіемъ, прочтетъ не одинъ разъ, и всегда съ новымъ наслажденіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вы будете смотрѣть на Чары, какъ на нѣчто полное, оконченное, то онъ вамъ представится съ невыгодной стороны. Но сочинитель не заботился о цѣломъ, и самъ признался въ томъ: содержаніемъ своей пьесы взялъ онъ народную пѣсню *Не ходи, Грицю, на вечерниці*, но еслибъ онъ взялъ для этаго и другую пѣсню, Чары бъ все остались Чарами, нужнобы только измѣнить разговоры дѣйствующихъ лицъ. Онъ самъ ихъ называлъ *Чары или нѣсколько сценъ изъ народныхъ былей и разсказовъ украинскихъ*—и далъ самое опредѣлительное названіе. Всѣ сцены чрезвычайно вѣрны, интересны сами-по-себѣ, всѣ представлены безъ малѣйшей претензіи на творчество. Г. Тополя изображаетъ, что видѣлъ, слышалъ, что умѣлъ подмѣтить. У него нѣтъ развитыхъ характеровъ, но, за то, каждое лицо является съ своимъ отпечаткомъ; по нѣкоторымъ чертамъ дѣйствующаго лица, вы можете представить себѣ въ воображеніи его пріемы, образъ выраженія, можете судить о его характерѣ. Въ Чарахъ нѣтъ единства и оконченности въ цѣломъ, но все окончено въ

сценахъ: каждая изъ нихъ представляетъ цѣлую, вѣрную картину. Возьмите для примѣра ту сцену, гдѣ дѣвочки спрятались за колодками, чтобъ подслушать разговоры своихъ любовниковъ. Какъ здѣсь все живо, какъ вѣрно списано! Возьмите хоть фантастическую сцену изъ народныхъ повѣрій: вы видите здѣсь всю народную фантазію, какъ она существуетъ. На-примѣръ, чортъ, начальникъ вѣдьмъ, изображенъ въ видѣ Жида, говорящаго по нольски: это въ самомъ дѣлѣ малороссійскій чортъ; понятіе о немъ вытекаетъ изъ исторіи и прежней жизни! Или хоть ту сцену въ шинку, гдѣ изображенъ разгулъ малороссійскій. Сочинитель ничего не утрировалъ, не идеализировалъ; онъ вамъ представляетъ эту сторону народного быта, какова она въ самомъ дѣлѣ, и между-тѣмъ какъ поэтически: дурная сторона не видна; хотя сцена списана прямо съ натуры. Это не идеалъ, котораго разсыянные черты вы должны искать вездѣ: это простое описаніе того, что авторъ видѣлъ, и описаніе вѣрное, мастерское, а потому такъ и занимательно. Какъ безыскусственны у г. Тополи пѣсни, которыя поютъ его герои. Они льются непринужденно, безъ всякой натяжки, совсѣмъ не по-оперному, безъ всякой перемѣны и передѣлки со стороны автора, съ тою небрежностію, которая характеризуетъ дѣйствительность. Вы встрѣтите въ пѣсняхъ очень часто недомолвки, часто одна пѣсня сбивается на другую, иногда не доканчивается; но это-то и достоинство въ такомъ сочиненіи, какъ Чары, гдѣ авторъ хочетъ познакомить васъ съ дѣйствительностію. — Языкъ г. Тополи не можетъ даже назваться его языкомъ: это языкъ совершенно народный, чистый, простой, усяянный затѣй-

ливими пословицами и поговорками.... однимъ словомъ, если вы не знаете Малороссіи,—прочтите Чары — и вы уже познакомились съ извѣстными частями ея многосторонняго быта.

Думки и Пѣсни Амвросія Могилы есть собраніе оригинальныхъ стихотвореній и переводовъ, большею частію лирикоописательнаго рода. Поэтъ изливаетъ свои чувства, возбуждаемые въ слѣдствіе впечатлѣній малороссійскаго быта. Большая часть изъ его стихотвореній запечатлѣна истиннымъ дарованіемъ и отличается особенною художественностію. У Могилы нѣтъ того саморазвитія, какъ у Шевченка; онъ не создаетъ идеаловъ народной поэзіи, не выказываетъ чувствъ, которыя бы невольно лились изъ неведомаго источника: его чувство идетъ объ-руку съ мыслию; онъ изучилъ сокровищницу поэтической стороны Малороссіи и является вездѣ, какъ талантъ, сознающій свой предметъ. Могила по формѣ поэтъ лирическій, но субъективность въ немъ прорывается незамѣтно; вы узнаете его личность, когда будете проникнуты тѣмъ, что онъ вамъ объективно выражаетъ. Возьмите, на-примѣръ, первое его стихотвореніе *Бандура*:

Про гетьмана, чи про гайдамаку,
Дійдъ заспѣває, въ бандуру заграє, —
Плаче бандура, мовъ оживає,
Жаль візьме дитину, візьме и бурлаку.
Его бандура, схоче вінъ, завьє;
Его бандура й ворономъ закриє;
Мовъ та дитина, жалібно плаче....
Слѣзы польються серденько ные....

Собственные чувства поэта выказываются тогда уже, когда явленіе, пробудившее ихъ, овладѣетъ вами, и вы

сталкиваетесь съ его впечатлѣніями и признаете ихъ за свои. Онъ какъ будто не хочетъ высказать всего, что у него на душѣ, и дѣлится вмѣстѣ съ вами, не сознаваясь. Это достоинство истиннаго художника, и нельзя не видѣть здѣсь малороссійскаго характера. Кто слѣдилъ за Малороссіяниномъ въ минуты его сердечнаго восторга, въ тѣ минуты, когда онъ подымается изъ сферы обыкновенной жизни, — тотъ можетъ повѣрить, какъ скупо малороссійское сердце на дѣлежъ своихъ движеній съ другими; Малороссіянинъ захочетъ васъ напередъ увлечь, — вы невольно выскажетесь, а онъ въ глубинѣ души будетъ дѣлиться съ вами и все-таки покажетъ на лицѣ улыбку равнодушія. Характеръ стихотвореній Могилы отличается глубокою грустію и вѣрными изображеніями древняго быта. Онъ прекрасно понялъ поэзію степной козацкой жизни; у него козакъ вездѣ является существомъ высокимъ, но вмѣстѣ буйнымъ и дикимъ; сцена дѣйствія его покрыта туманомъ и слезами. Изъ лучшихъ его произведеній въ этомъ родѣ: *Чарка*, отличающаяся горькою пронию, *Козацья Смерть*, гдѣ представлена страшно-поэтическая картина смерти отца съ сыномъ, *Козакъ та Буря*, гдѣ поэтъ изображаетъ сходство человѣческой природы съ физическою, и *Смерть Бандуриста*, прекрасная по своимъ блестящимъ описаніямъ и звучнымъ стихамъ. Два стихотворенія *Старець* и *Дитина Сиротина* — изображенія другой стороны жизни малороссійской — горькаго сиротства, безнадежной грусти, мірскаго несчастія. Языкъ въ Думахъ и Пѣняхъ правиленъ, благороденъ и особенно оригиналенъ. Стихи истинно малороссійскіе; Могила пишетъ болѣе силлабическимъ размѣромъ,

который иногда подходит подъ метрическій, часто перемѣняется въ одной и той же пѣснѣ: въ каждой мысли своя форма. Поэтъ не стѣсняетъ себя опредѣленною мѣрою, и оттого у него все такъ вольно и непринужденно, и мысль выражена вполне, и гармонія стиха соответствуетъ гармоніи чувства.

Въ 1833 году напечатаны были *Наській Украинскій Казки Запорозця Пськи Материнки*, маленькая книжечка, гдѣ помѣщены три малороссійскія сказки въ стихахъ: первая *Сопѣлка*, замѣчательная по своему поэтическому содержанию; вторая *про дурня та ёго коня*, общая всемъ славянскимъ племенамъ; третья *про Пвася та змѣю, та дочку їи Олену*, одна изъ любимыхъ Малороссіянами. Всѣ эти сказки достойны вниманія, и показываютъ въ авторѣ знатока малороссійской народности и языка.

Кромѣ означенныхъ нами писателей, изъ которыхъ почти каждый явился съ самобытнымъ дарованіемъ, есть еще и другіе, которыхъ сочиненія имѣютъ болѣе или менѣе относительную цѣну въ малороссійской литературѣ. Таковы: *Боровиковскій*—переводчикъ Мицкевича *Фариса* и сочинитель нѣсколькихъ балладъ; неизвѣстный авторъ *Маруси*, стихотворной повѣсти, изданной въ Одессѣ; *Стецько Шереперя*, написавшій оперу *Купала на Івана*, которая, не смотря на нѣкоторые недостатки, заключаетъ въ себѣ довольно вѣрныя изображенія народнаго быта; онъ же написалъ нѣсколько пѣсень и въ томъ числѣ извѣстную: *за Неманъ иду*; — *Петренко*, котораго лирическія стихотворенія проникнуты чувствомъ; *Корсунъ*, передавшій малороссійскими стихами любопытныя украинскія повѣрья; *Писаревскій*, сочинитель повѣсти *Стецько*, и *Ко-*

реницкий, явившійся въ свѣтъ съ названною имъ *сатиричкою* поэмою *Вечерницѣй*, которая, не смотря на легкой стихъ, исполнена мѣстами такихъ пошлостей, что, прочитавши ее, пожалѣешь невольно объ авторъ.

Доказательствомъ распространяющагося вкуса къ чтенію на малороссійскомъ языкѣ служатъ два сборника, вышедшіе въ прошломъ 1841-мъ году. Одинъ изъ нихъ изданъ въ Петербургѣ Гребенкою и наполненъ сочиненіями: Шевченка, Основьяненка, помѣстившаго тамъ свою прекрасную повѣсть *Оксана* и два малороссійскіе разсказа, Боровиковскаго, Писарева, Кулиша и другихъ. Самъ собиратель приложилъ къ нему прекрасное предисловіе *Такъ собі до земляківъ*, гдѣ изображены четыре времени года Малороссіи. Сборникъ называется *Ластівка*. Другой издалъ г. Кореунъ въ Харьковѣ изъ трудовъ здѣшнихъ писателей подъ названіемъ *Співъ*. Тамъ помѣщены: Переяславська Ничъ—трагедія, *Вечерницѣй*—Кореницкаго, Стецько Писарева и стихотворенія Петренки, Шерепери, самого издателя и другихъ.

Вотъ, кажется, все, на что можно обратить вниманіе въ малороссійской литературѣ, и едвали не все, что было писано на малороссійскомъ языкѣ въ Россіи (*).

Іеремія Галка.

1842. Харьковъ.

(*) За исключеніемъ сочиненій автора этой статьи: Сава Чалый, драматическія сцены; Переяславська Ничъ, трагедія; Украинскія баллады Вѣтка, собраніе стихотвореній. Многое кромѣ того пишется и остается непечатаннымъ. *Приблж. издателя.*